

А.П. Килин*

**ЧАСТНАЯ ТОРГОВЛЯ И ОБОБЩЕСТВЛЕННЫЙ ТРУД
В МНОГОУКЛАДНОЙ ЭКОНОМИКЕ 1920-Х ГОДОВ**doi:10.31518/2618-9100-2023-1-2
УДК 94(47+282.247.42)"1921/1929"+
331.5.024.5+339.16.012.32-052*Выходные данные для цитирования:*
Килин А.П. Частная торговля и обобществленный труд в многоукладной
экономике 1920-х годов // Исторический курьер. 2023. № 1 (27). С. 21–32.
URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-02.pdf>

A.P. Kilin*

**PRIVATE TRADE AND SOCIALIZED LABOUR
IN THE MIXED ECONOMIC ORDER ECONOMY OF THE 1920S**

doi:10.31518/2618-9100-2023-1-2

How to cite:
Kilin A.P. Private Trade and Socialized Labour in the Mixed Economic Order Economy
of the 1920s // Historical Courier, 2023, No. 1 (27), pp. 21–32.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-02.pdf>]

Abstract. The article examines the role of private entrepreneurship as an alternative sphere of employment for a significant mass of the population during the years of the NEP. Incentive mechanisms of citizens' involvement in trade are considered, assessments of their activities by the merchants themselves are given. The emphasis is placed on the negative consequences that trade entailed, including disenfranchisement. The conclusion is made about the negative social dynamics or statics in the destinies of private entrepreneurs, which indicates the implementation of the mechanism of negative social selection, which went in parallel with the process of forming a new Soviet man. The elimination of mixed economic system, the unification and hybridisation of economic structures, the socialisation of not only material, but also labour resources, deprived private entrepreneurs of an economic basis. As a result, most of them tried to join the state or cooperative way of life, guaranteeing access to channels of distribution of material goods and certain social protection. A small part joined the ranks of the shadow sector of the economy, which existed throughout the Soviet period. The author concludes that along with the fight against illegal forms of trade, the authorities objectively formed the prerequisites for its existence, since defects in the distribution system and chronic commodity shortages created a steady demand for products and services of the shadow economy and the black market.

Keywords: NEP, private trade, entrepreneurship, mixed economic order, private entrepreneurial way of life, socialised labour, personal autonomy, employment sphere, politics, economy.

The article has been received by the editor on 30.11.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматривается роль частнопредпринимательского уклада как альтернативной сферы занятости для значительной массы населения в годы нэпа. Рассматриваются побудительные механизмы вовлечения граждан в торговлю, приводятся оценки своей деятельности самими торговцами. Сделан акцент на негативных последствиях, которые повлекло за собой занятие торговлей, в том числе лишение избирательных прав. Делается вывод о негативной социальной динамике или статике в судьбах частных предпринимателей, что свидетельствует о реализации механизма негативной социальной селекции, который шел параллельно с процессом формирования нового

* **Алексей Павлович Килин**, доктор исторических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, e-mail: Alexey.Kilin@urfu.ru
Alexey Pavlovich Kilin, Doctor of Historical Sciences, Ural Federal University named after the First President of Russia Boris Yeltsin, Yekaterinburg, Russia, e-mail: Alexey.Kilin@urfu.ru

советского человека. Ликвидация многоукладности, унификация и гибридизация хозяйственных укладов, обобществление не только материальных, но и трудовых ресурсов лишали частных предпринимателей экономической основы. Как следствие, большинство из них пытались включиться в государственный или кооперативный уклад, гарантирующий доступ к каналам распределения материальных благ и определенную социальную защиту. Малая часть пополнила ряды теневого сектора экономики, который существовал на протяжении всего советского периода. Автором делается вывод, что наряду с борьбой с нелегальными формами торговли власти объективно формировали предпосылки для их существования, поскольку дефекты распределительной системы и хронический товарный дефицит создавали устойчивый спрос на продукты и услуги теневой экономики и черного рынка.

Ключевые слова: нэп, частная торговля, предпринимательство, многоукладность, частнопредпринимательский уклад, обобществленный труд, автономия личности, сфера занятости, политика, экономика.

Статья поступила в редакцию 30.11.2022 г.

Введение. Общественно полезный труд, являющийся маркером настоящего советского человека, исходя из классовых установок мог быть реализован исключительно в обобществленном секторе экономики¹.

Негативно оценивая «стихию рынка» и абсолютизируя плановые начала, лидеры большевистской партии и правительства стремились к тотальному контролю за ресурсами, к обобществлению всех видов деятельности и, соответственно, к унификации хозяйственных укладов, чередуя на пути к этой цели как откровенно административно-репрессивные, так и экономические (или представляемые как экономические) методы воздействия.

Парадокс ситуации заключался в том, что тотальное обобществление создавало предпосылки для существования рынка в широком спектре нелегальных практик. Годы нэпа демонстрируют ряд трансформаций: например, миграцию частных предпринимателей из легального в нелегальное поле, выбор в качестве доминирующего уклада в процессе самоидентификации – государственного взамен частнопредпринимательского, процесс обобществления труда и исчезновение автономно существующих хозяйствующих субъектов.

Историография. Социальная проблематика нэпа и тема труда привлекали внимание исследователей как непосредственно в 1920-е гг., так и на протяжении советского и постсоветского периодов. Очевидна и эволюция взглядов на частных предпринимателей в новейшей отечественной историографии. Если в 1990–2000-е гг. их рассматривали исключительно как жертв режима или как носителей предпринимательских традиций, которые необходимо возродить в современной России, то со временем, по мере введения в оборот новых источников и погружения в тему, картина стала приобретать дополнительные оттенки. Черно-белую гамму сменила яркая палитра разнообразия, противоречивости и непоследовательности процесса: государственная политика перемежала тактику отступления и наступления на позиции предпринимателей; частный и обобществленный сектор выступали не только как антиподы, но и дополняли друг друга в системе многоукладной экономики; легальные и криминальные торговые практики тесно переплетались друг с другом; интересы частного и представителей региональных органов власти были построены не только на конфронтации, но и на консолидации усилий при решении проблем снабжения населения.

Дискриминация и маргинализация частнопредпринимательских слоев под влиянием классовой доктрины вырабатывали пренебрежительное отношение к «изгоям». Внимание к этим темам актуализировалось в последнее время, когда в противовес «основным» классам –

¹ При этом внешнеэкономическую деятельность, которая осуществлялась по правилам рынка, но рассматривалась как одно из проявлений классовой борьбы, мы намеренно выносим за рамки данного исследования.

рабочим и крестьянам – на авансцену были выдвинуты локальные, а порой и маргинальные социальные группы (торговцы, «спецы», «лишенцы», спецпоселенцы и т.п.). Значительная часть литературы, вышедшей в свет в 1990–2000-е гг., посвящена социальной мобильности в раннесоветском обществе, включенности (или исключенности) отдельных групп в социальную структуру общества (С.А. Красильников, С.В. Шейхетов, Д.Д. Миненков, А.И. Савин, Л.И. Сосковец, А.А. Шадт).

Оценки могли меняться на диаметрально противоположные в рамках «советской» и «постсоветской» историографии. При этом общий недостаток сводился к тому, что авторы идеализировали «своих» и демонизировали «чужих» (кооператор/нэпман, бедняк/«кулак», рабочий/«спец» и т.п.). Существенную роль в формировании гипертрофированных образов антагонистов сыграли не только исторические исследования, но и произведения изобразительного искусства, художественной литературы и кинематографа. Как отмечает Т.М. Смирнова: «Ими был создан в значительной степени клишированный, гротесковый образ “бывших хозяев жизни” – “буржуинов”, на которых, по образному выражению М. Горького, “классовый признак” наносился на лицо, “словно бородавка”»². Внимание к маргинальным слоям населения, какими бы причинами это исключение ни вызывалось, также весьма симптоматично. Проблемой «исключительности исключенных» занимаются многие исследователи; по этой причине частные торговцы привлекают их внимание³.

Частные предприниматели зачастую могут быть изучены на основе материалов правоохранительных органов, поскольку в сводках ОГПУ уделяется значительное внимание потенциальным недругам советской власти, к которым относились и торговцы⁴.

Внимание к «исключенным» вполне закономерно, поскольку в период политических и экономических преобразований подавляющая часть населения оказалась в роли маргиналов. Новая экономическая политика как результат синкретизма плановых и рыночных начал сформировала новые правила игры не только для прежних предпринимательских слоев, но и для революционно-настроенной части населения, которая ностальгировала по максималистским принципам гражданской войны и также ощущала себя ущемленной.

Многоукладность. Абсолютное большинство населения, интуитивно понимая рыночные принципы хозяйствования, стремилось реанимировать прежний дореволюционный уклад жизни, адаптироваться к условиям хронического дефицита и методам государственного регулирования, носившим спонтанный и ситуативный характер, очевидно являясь реакцией на кризисные ситуации, порожденные самой этой политикой.

Идеальная модель, которая предполагала ликвидацию товарно-денежных отношений и базировалась на идее устранения торгового посредника, вступила в жесткое противоречие с реальной хозяйственной практикой. Как следствие, был вызван к жизни «дьявол рынка», а подавляющая масса населения была предоставлена сама себе как в части занятости, так и в сфере обеспечения материальными благами.

Дефицит ресурсов, которые находились в распоряжении властей, заставлял раз за разом ограничивать доступ граждан к «пирог», отсекая сначала «бывших», затем нелояльных, а впоследствии и часть класса гегемона, как переходивших в разряд безработных, так и работников убыточных или не выполняющих план предприятий.

Многоукладность отечественной экономики – объективное условие и институциональная константа в условиях асимметрии регионального развития. Уникальное сочетание различных хозяйственных укладов, предопределенное географическим положением, ресурсным потенциалом, особенностями хозяйственного оборота и спецификой отдельных

² Смирнова Т.М. «Бывшие люди» в социальной структуре и повседневной жизни советского общества: 1917–1936 гг. автореф. дис. ... др-а ист. наук. М., 2010. С. 9.

³ Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции, 1917–1936 гг. М., 2003; Маргиналы в советском социуме. 1930-е – середина 1950-х годов. 2-е изд. М., 2017; Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). М., 2017; Alexopoulos G. Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936. Ithaca; New York., 2003.

⁴ Клиш А.П. Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа: экономические, политические и социальные аспекты: научная монография. Екатеринбург, 2018.

видов деятельности позволяло в более полной мере вовлечь в хозяйственный оборот разнообразные, в том числе и трудовые ресурсы.

Одной из наиболее приемлемых ниш для маргиналов являлась частная торговля. Она позволяла получить доступ к ресурсам, которые формировались как в государственном, так и в кооперативном и частнопредпринимательском хозяйственном укладах. Торговля являлась наименее затратной сферой деятельности как с точки зрения первоначального капитала, так и профессиональных навыков и умений, она позволяла получить минимальные средства к существованию как для самого торговца, так и членам его семьи, находившимся у него на иждивении.

Эта форма самозанятости минимизировала негативные последствия массовой безработицы, которая была повсеместно распространена в 1920-е гг. Сыграл свою роль и тот факт, что потеря кормильца в военное время побуждала к занятию торговлей женщин, которые ранее вели исключительно домашнее хозяйство.

Отметим особую эффективность синтеза частнопредпринимательского и диаспорного укладов, когда, помимо профессиональной общности, торговцев объединяли этнические, конфессиональные или кровнородственные связи. Это, с одной стороны, является традиционной и «исторически сложившейся» практикой, поскольку было обусловлено торговой специализацией, с другой, было вынужденной мерой в условиях агрессивной внешней среды, сформированной идеологическим и экономическим давлением со стороны государства.

Замкнутый круг частного сектора хозяйства как реакция на внешнее воздействие демонстрирует стремление дистанцироваться от любых форм государственного вмешательства, обеспечить стабильность хозяйственных связей, базирующихся на общем коммерческом интересе, оптимизировать затраты на производство, сбыт и логистику. Вопреки идеологическим установкам на потенциальные угрозы социалистическому сектору со стороны «круга», стремящегося, по официальной версии, к восстановлению капитализма, замкнутость и изоляционизм являлись тупиковым вариантом развития.

Полагаем, что оценка замкнутого круга в системе координат «капитализм – социализм» может быть поставлена под сомнение. Помимо того, что рыночная экономика и капитализм не являются тождественными понятиями (Ф. Бродель), это был шаг назад по сравнению с той системой, которая на рубеже XIX–XX вв. воспринималась как капиталистическая. А в качестве инновации это явление можно рассматривать исключительно в период свертывания нэпа. По сути, это был пример архаизации рыночных механизмов, пример ретроинновации, корни которой уходят в прошлые века. Ф. Бродель называл это «противорынком» и рассматривал на примере Англии XVIII в.⁵

Изоляционизм частнопредпринимательского уклада говорит скорее о его слабости, а не силе, об ориентации на стратегию выживания, а не развития. Но именно эти хозяйственные ниши являлись альтернативой для тех граждан, которые не могли или на первых порах не хотели вовлекаться в орбиту обобществленного сектора экономики, в который, помимо государственного, был искусственно включен и кооперативный хозяйственный уклад. Результатом процесса гибридизации стала «советская кооперация», которая выполняла функции распределительного механизма государственного сектора экономики, но была лишена кооперативных начал.

Компромисс. На восходящей стадии нэпа занятие частной торговлей могло носить не только вынужденный, но и вполне осознанный и добровольный характер, поскольку позволяло обеспечивать более высокий, по сравнению с государственным сектором, уровень благосостояния. Несмотря на это, полагаем, что в абсолютном большинстве случаев занятие торговлей было вынужденным шагом. Показательным является тот факт, что в сферу частной торговли были вовлечены практически все слои населения – от коммунистов до анархистов, от сотрудников правоохранительных органов до административных ссыльных, а торгово-посреднической деятельностью занимались все без исключения организации и

⁵ Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск, 1993. С. 32–33.

учреждения вне зависимости от сферы деятельности, уставных целей и формы собственности. Не тягой к наживе, а дефектами распределительного механизма и тотальным дефицитом объясняется это повальное увлечение торговлей. В качестве усугубляющих ситуацию факторов следует назвать гиперинфляцию, бартер, дефицит товаров повседневного спроса и продовольствия. «Кто не торгует, тот не ест», – этот слоган отражает процесс депрофессионализации торговой деятельности.

Обратим внимание на тот факт, что частнопредпринимательский уклад функционировал в условиях, которые были максимально приближены к рыночным. Частник не пользовался льготами и преференциями, доступными обобществленному сектору хозяйства. Он был исключен из централизованного распределительного механизма (по крайней мере официально). Частный сектор хозяйства в полной мере можно считать индикатором качества кредита (денежного и товарного), его функционирование могло свидетельствовать об эффективности денежного обращения (особенно после денежной реформы 1922–1924 гг.), а цены частной торговли позволяли судить о реальной рыночной конъюнктуре. Помимо этого, нами отмечалась роль частного сектора хозяйства как индикатора качества государственного регулирования и планирования, в том числе при проведении административно-территориальной реформы.

Таким образом, занятие торговлей являлось взаимовыгодным компромиссом между государством и личностью, достигнутым вопреки идеологическим установкам, но предотвращенным неспособностью новой власти организовать прямой товарообмен и централизованное распределение. Государство пошло на уступки, допустив автономное существование личности в рамках частнопредпринимательского хозяйственного уклада, осознавая тот факт, что своими силами наладить товарооборот оно не в состоянии.

Этот компромисс был весьма условным, поскольку даже после легализации частной торговли политико-административные практики ее криминализировали. Лишение избирательных прав граждан, занятых торговлей, торговым посредничеством (барышники и прасолы), дискриминировало частных предпринимателей. Помимо невозможности избирать и быть избранными, т.е. политической ущемленности, частники отсекались от «государственного пирога» – социальной поддержки и нормированного распределения. Полагаем, что эта экономическая составляющая «лишенства» могла играть более значимую роль, чем политическая, поскольку выборные процедуры все больше подвергались формализации, по сути выхолащивались. Сопутствующие лишению избирательных прав ограничения, накапливаясь как снежный ком, впоследствии стали распространяться на членов семьи (иждивенцев), что привело к формированию в раннесоветском обществе отдельной и весьма обширной социальной группы «лишенцев», имевших специфический правовой статус и являющихся объектом пристального внимания правоохранительных органов. Комплекс дискриминационных норм и правил, который накладывался на гражданина, позволил Ш. Фицпатрику говорить о «лишенцах» как об определенной сословно-классовой группе⁶.

После принятия Конституции 1936 г. массовое лишение избирательных прав уже не применялось, но использовалось в качестве меры наказания по решению суда. На смену одним «мерам социальной защиты» пришли иные, порой более суровые, поскольку, как полагают исследователи, среди «врагов народа», которых повсеместно выявляли в каждой организации и в каждом населенном пункте или даже доме, было немало бывших «лишенцев».

Отметим, что нэп дал возможность новой власти осмыслить и даже провести натурный эксперимент процесса модификации рыночного механизма. Благодаря этому практическому опыту пришло осознание того, какие экономические законы и в какой степени можно нарушать, не приводя к коллапсу хозяйство страны.

Потенциал частнопредпринимательского уклада. Трудно предположить что человек, который на начальной стадии нэпа начинал торговать, не просчитывал возможные риски. Полагаем, что в случае вынужденных и неблагоприятных обстоятельств, которые

⁶ Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванчество в России XX века. М., 2011. С. 9.

побуждали гражданина, ранее не занимавшегося торговлей, встать за прилавок, «чаша весов» с рисками была существенно легче «чаши» с нищетой как своей собственной, так и членов своей семьи.

При этом не стоит игнорировать и то обстоятельство, что в первые годы нэпа стремление властей реанимировать торговлю было намного явственнее и декларативнее, чем призывы к репрессиям по отношению к частникам. Предположим, что это обстоятельство могло ввести в заблуждение часть новоявленных торговцев.

В заявлении Павла Ивановича Батуева говорится: «Наш молодой союз находился в периоде возрождения, что было важнее – крепить оборону страны или же сидеть сложа руки? Правительство обратилось к населению за помощью. Совет Народных комиссаров, если Вы еще не забыли это, издал приказ об организации кустарного промысла, была разрешена частная торговля. Ведь в тот период как раз кооператива еще не было, а районные лавки еле дышали. Создавались на правах конкуренции лавки различных организаций. В тот период правительство не говорило об избирательных правах, тогда избирательных прав лишались только “бывшие люди”»⁷.

Многоукладность экономики, множество свободных хозяйственных ниш, возможность самозанятости и самообеспечения наряду с относительно лояльной политикой государства в отношении частной торговли – все это служило существенной основой и весомым аргументом для занятия торговлей. Не все новоявленные торговцы влачили жалкое существование. Наиболее устойчивой группой являлись торговцы, которые приобретали промысловый патент третьего разряда, поскольку эта форма являлась оптимальной как по разнообразию ассортимента, так и по тяжести налогового бремени. Встречаются примеры, когда частные торговцы откровенно демонстрировали свое преимущество по отношению к кооперативной и государственной торговле, обобществленной системе хозяйствования в целом.

Андрей Иванович Франко (чехословацкий поданный, 36 лет, содержатель частных бань и номеров) купил здание бывшего кожевенного завода, идущего на слом. Его обвиняли в даче взятки должностному лицу, он выступал обвиняемым в судебном процессе, и на допросе показал следующее: «Здание бывшего Белоусовского завода я купил целиком <...> Подал заявление в комиссию Госфонда <...> За завод я предложил 1 500 руб., с условием выплаты 500 руб. наличными, а остальные в рассрочку не более как на два месяца. Это заявление и условия в Госфонде приняли и через пару дней об этом объявили. На покупку была заключена сделка, зарегистрированная на Свердловской товарной бирже. Никого [из представителей Госфонда. – А. К.] не знаю. <...> Взятки при покупке не давал никому. Купил действительно дешево, но кто же виноват, что в учреждении, производящем продажу, сидят дураки, ничего не понимающие»⁸.

Вопреки идеологическим установкам, в заявлениях бывших торговцев, которые они писали в избирательные комиссии с просьбой о восстановлении в избирательных правах, встречаются не только слова раскаяния и самобичевание, как, например, в заявлении Павла Дмитриевича Акулова: «Частная торговля, как говорится, зараза – заразился и я...»⁹, но и утверждения о пользе частной торговли и даже гордости за свое дело. Бывший торговец Иван Дмитриевич Беседина писал: «Как государственные, так и общественные платежи и повинности выполняю без замедления, считая, что аккуратность моя в платежах должна служить на пользу нашему государству. И вот, по своему мнению, торгуя мясом, я считаю, что не вред приношу государству, а скорее пользу и одновременно удовлетворяю потребности населения, ибо если не я, то все равно кто-нибудь другой занялся бы этим делом. Притом в торговле моей участвую только я один, наемных рабочих я не имею и думаю, что

⁷ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-88 – Уральский областной исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 6. Д. 556. Л. 14–16 об.

⁸ ГАСО. Ф. Р-148 – Свердловский областной суд Министерства юстиции РСФСР. Свердловск. Оп. 1 (1921–1934). Д. 381. Л. 105–106.

⁹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 93. Л. 3.

торговля моя есть подсобный промысел в хозяйстве и лишать меня за это права голоса безрассудно»¹⁰.

Излишне самоуверенным может показаться ответ Лейбы Залмановича (Льва Соломоновича) Миркина на вопрос следователя: «Почему ваша фирма – крупнейшая в галантерейной частной отрасли Урала – существовала и процветала, тогда как другие закрывались?» «Ответ: Наша фирма – крупнейшая в Свердловске, но не на Урале. <...> Наша фирма процветала и существовала до настоящего времени, потому что мы работали честно и соблюдали закон, ведя точную отчетность. Другие фирмы закрывались по разным обстоятельствам, в большинстве ввиду непризнания Финотделом их отчетности»¹¹.

Примечательно, что в качестве кодового слова для шифрования ценников на товарах сотрудники магазинов братьев Миркиных использовали фразу «Будем жить». Нельзя не признать, что это словосочетание, с учетом времени (1929 г.) и места торговой деятельности (город Свердловск – «сердце пролетарского Урала»), было слишком оптимистичным¹². Возможно, что оно должно было оказать мотивирующий и отчасти психотерапевтический эффект на сотрудников фирмы.

Активизация товарооборота, наполнение рынка продуктами питания и потребительскими товарами происходила не без участия частного сектора. Это отчасти снимало социальную напряженность, которая возникала в связи с дефицитом продовольствия и товаров повседневного спроса. Выступая в качестве коммерческого посредника, частник позволял наладить деятельность обобществленного сектора там, где это было выгодно предпринимателям и где они не вступали с ним в прямую конкуренцию. Темпы развития обобществленного сектора были недостаточно высокими, и в полном объеме кооперация и госторговля заменить частника не могли. Система централизованного распределения была не в состоянии удовлетворить запросы населения. Это обстоятельство было очевидно региональным руководителям, поэтому форсированное уничтожение частника сулило им массу проблем, решение которых далось бы с большим трудом и могло поставить под сомнение сохранение ими своих постов. Насколько это понимание ситуации выливалось в реальное противодействие конкретных руководителей, сложно сказать. Обращение к судебным делам позволяет обнаружить факты саботажа генеральной линии, основанные не только на личных, но и региональных интересах. Это особенно важно по причине того, что традиционно рассматриваются прямо противоположные явления: примеры радикализации провинциальных управленцев, ситуации, при которых декларируемые на высшем уровне власти задачи реализовывались на местах с большим рвением, чем первоначально планировалось (пресловутые «перегибы на местах»).

Можно утверждать, что потенциал нэпа не был исчерпан и частнопредпринимательский уклад имел экономические перспективы для своего существования. Ш. Мерль отмечает: «Мелкое производство не было обречено на гибель ни в ремесле, ни в сельском хозяйстве. Его требовалось лишь реструктуризировать, чтобы благодаря специализации повысить производительность и сделать конкурентоспособным»¹³.

Нисходящая социальная мобильность и обобществление. Нэп никогда не был задуман и не являлся на практике «золотым веком» частного предпринимательства, а «разгул нэпа», который ассоциировался с необузданным личным потреблением, был уделом узкого слоя нэпманов или, как говорили, «нэпачей».

«Командные высоты», монополия внешней торговли, сужение для частников легальных каналов получения фабрикатов, постоянно меняющиеся правила игры и усиление фискального бремени (потерявшего экономическое содержание и базирующегося исключительно на идеологических установках) – эти реалии нэпа с неизбежностью лишали легальной экономической базы «нежелательные» или «недружественные» хозяйственные уклады. Они,

¹⁰ Килин А.П. Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа... С. 554.

¹¹ Там же. С. 449.

¹² Там же. С. 446–448.

¹³ Мерль Ш. Советская экономика: современные оценки // Экономическая история: ежегодник. 2017. Т. 2016–17. С. 311.

по мнению властей, конкурировали с обобществленным сектором экономики, ограничивая его доступ к дефицитным ресурсам, провоцировали рост цен. Почва уходила из-под ног легального частного предпринимательства, при этом освободившаяся ниша не могла быть в полном объеме заполнена обобществленным сектором. Вполне закономерно, что это обстоятельство послужило предпосылкой для формирования чрезвычайно обширного и устойчивого к внешним воздействиям теневого сектора отечественной экономики. Он благополучно просуществовал весь период советской власти и в 1990-е гг. послужил базисом для формирования нового российского капитализма.

По мнению Ш. Мерля, с 1932 г. командная экономика начала сливаться с «теневой». Задача сохранения видимости централизованного управления системой допускала управленческое поведение, в сущности, противоречившее ей. Сталин для оправдания своего господства нуждался в экономическом успехе. В итоге его действия привели к симбиозу командной и «теневой» экономик¹⁴.

По мнению отечественных экономистов, ограничение на развитие рыночных отношений, так же как и их деформированный характер, приводило к тому, что все остальные, кроме государственного, уклады, без которых в принципе невозможно развитие социально-экономических отношений в стране, прежде всего мелкотоварный, вынуждены были становиться неформальными. Они существовали параллельно с разрешенными и институционально оформленными структурами, что нарушало узаконенную систему общественных отношений, но в то же время объективно давало этой системе возможность функционировать и даже развиваться¹⁵.

Каковы были стратегии поведения частных торговцев в условиях сужающегося окна возможностей?

Абсолютное большинство стремилось порвать с частной торговлей, реабилитироваться, «переродиться», принять «советское крещение» и вписаться в качестве наемного работника в обобществленный сектор. Меньшая часть перешла на нелегальное положение, модифицируя свою деятельность в рамках теневого сектора экономики, при этом внешне демонстрируя лояльность советской власти. Из-за острого дефицита в кадрах некоторым даже удавалось устроиться на государственную службу.

Это вполне рациональная и адаптивная стратегия, направленная на минимизацию рисков и трансформацию автономной личности в наемного работника, ориентированного на этатизированный труд, гарантирующий как доступ к каналам централизованного распределения, так и определенную социальную защиту.

Стремление восстановить свои гражданские права было предопределено не только социально-политическими, но и экономическими причинами. Пока доход, извлекаемый из торговой деятельности, позволял обеспечивать себя самостоятельно, более высокие моральные и материальные издержки (в том числе связанные с лишением прав, неучастием в выборах; более высокими затратами на самообеспечение; приобретение товаров исключительно на рынке; более высокой арендной платой; повышенным уровнем налогообложения) признавались допустимыми. По мере того как доходы от торговли переставали покрывать расходы на содержание себя и членов своей семьи, а на рынке труда появлялись реальные альтернативные варианты занятости, прекращение торговли виделось более привлекательной перспективой. Отчасти нереализованный предпринимательский потенциал мог реализовываться в теневом секторе экономики, имевшем массу тонов и полутонов в широком диапазоне от блата до контрабанды.

С ликвидацией многоукладной экономики нэпа исчезали легальные альтернативы для самозанятости, а статус «лишенца» как «клеймо нэпа» мог являться препятствием для получения работы в обобществленном секторе. Следуя принципам конструирования «нового человека» и с целью социальной реабилитации, бывшие торговцы были вынуждены начи-

¹⁴ Мерль Ш. Советская экономика: современные оценки... С. 314, 319.

¹⁵ Кузнецова Т.Е., Никифоров Л.В. Уклад и многоукладность: социально-экономическое содержание // Многоукладность России: исторические корни, состояние и перспективы М., 2009. С. 26.

нать с нуля, с низкоквалифицированной и грязной работы. В конъюнктурных обзорах Кредит-бюро отмечается: «Ушедший с рынка частник в связи с неблагоприятной для него конъюнктурой держит себя крайне осторожно. Достаточно сказать, что многие частники работают на черных работах, на которые неохотно идут даже рабочие с биржи. Работа эта состоит главным образом из распилки дров, поставки каменного угля и т.п. Идя на эту работу, частник имеет в виду зарекомендовать себя в качестве общественно полезного работника с тем, чтобы впоследствии перейти на более легкую работу. Кроме того, частники руководствуются моментами фискального характера – представить себя неимущими для органов фиска»¹⁶.

Таким образом, занятие торговлей приводило к деградации социального статуса индивида в идеологической и политической системе координат. Можно говорить о двухступенчатой нисходящей мобильности: производитель (рабочий, крестьянин) становился частным торговым посредником (спекулянт), а затем лишался избирательных прав, переходил в категорию неполноправных свободных. Падение было стремительным, напротив, восстановить свой статус, реабилитироваться было намного сложнее, и восходящая социальная мобильность требовала больших затрат времени и сил.

Диктатура, используя механизм террора, дискриминируя отдельные социальные группы (среди которых были и бывшие торговцы), преследовала несколько целей. Помимо устрашения всего населения, репрессии позволяли перенаправить внимание дискриминируемых групп с будущего на прошлое. Вместо отстаивания своих прав, требований привести в соответствие экономический и политический статус человек стремился вернуть то, что потерял, реабилитироваться, восстановить status quo, возратить утраченное, включиться в сконструированные для него социальные рамки, «стать как все». Даже несовершенно и ущербная социальная модель поведения становилась желанной, «лишенец» к ней стремился. Таким образом, биографии бывших торговцев демонстрируют отрицательную социальную динамику или социальную статику. Дискриминация наиболее экономически активных социальных групп органично вписывается в процесс унификации шкалы укладов, приводит к негативной социальной селекции и обобществлению индивида, поскольку подлинная автономия без собственной экономической базы невозможна. Гражданин «обобществлялся государством», утрачивал свою субъектность не только в экономической, но и в политической, и в социальной сферах. Гражданин из актора, т.е. субъекта, осознающего свои интересы и предпринимающего реальные шаги для их реализации, превращался в «актера» советской действительности, для которого была характерна имитационная модель поведения¹⁷.

Ситуация, при которой гражданин думал одно, говорил другое, а делал третье, т.е. дискретность поведения и сознания, их раздвоенность, являлась атрибутивным свойством «советского» человека, своеобразным способом адаптации к советской действительности.

Теневой сектор экономики был местом применения предпринимательской активности до той поры, пока она не угасала или субъект не попадал под санкции. Механизм репрессий сыграл весьма существенную роль в унификации и усреднении человеческого потенциала в Советской России.

Самый экстремальный вариант «ухода» от действительности был связан с болезнями и суицидом. Личные дела «лишенцев» побуждают нас обратить внимание на проблему жертв социального инжиниринга, в том числе на судьбы тех, кто тяжело заболел, сошел с ума или покончил жизнь самоубийством¹⁸. В 1920-е гг. эти социальные явления стали предметом изучения специальной дисциплины – моральной статистики. Исследователи проводили опросы, накапливали материал и анализировали полученные данные с целью выработки

¹⁶ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7624 – Смешанное акционерное общество по выдаче справок о кредитоспособности. Оп. 1. Д. 127. Л. 110.

¹⁷ Килин А.П. Актеры и «актеры» модернизации в уральской провинции в годы нэпа // Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв. сб. науч. ст. Екатеринбург, 2015. С. 156–163.

¹⁸ Килин А.П. Сельская учительница Серафима Килина: реконструкция биографии «лишенки» 1930-х гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2021. № 3. С. 83–98.

противоядия от девиантного поведения, работая на доминирующую цель – формирование нового человека.

В своих работах отечественный правовед и криминолог М.Н. Гернет рассматривает проблему суицидов в Советской России и делает вывод о причинах самоубийств среди мужчин и женщин по различным профессиональным группам: «Статистика самоубийств по профессиям в связи с мотивом также в полном согласии с нашими ожиданиями подчеркнула громадную роль мотива материальных лишений у безработных мужчин и женщин; у этой же группы мужчин оказался самым высоким процент самоубийств вследствие изменения материального положения»¹⁹.

Таким образом, мы можем найти подтверждение тому, что тяжелое материальное положение «лишенцев», исключение их из системы централизованного распределения материальных благ (лишение продуктовых карточек и заборных книжек) наряду с отсутствием реальных и легальных альтернатив для самозанятости могло провоцировать мысли о суициде.

Материалы биографий частных торговых предпринимателей демонстрируют тенденцию политической маргинализации наиболее активных в экономической сфере индивидуумов. В этой связи можно говорить о негативной социальной селекции. Негативной с точки зрения прав и свобод личности, возможности ее автономного существования.

Выводы. Рассматривая частных предпринимателей как акторов, т.е. не только носителей идей, но и активных и деятельных участников борьбы за реализацию собственных интересов, полагаем, что их роль в процессе догоняющего развития должна была быть решающей. Однако реальный социальный статус наиболее экономически активной части населения был низким. Негативное отношение к частному предпринимательству усилилось после октября 1917 г., и даже в годы нэпа, когда этот вид деятельности был легализован, существовали законные, но противоправные по своей природе механизмы, обуславливающие дискриминацию этой социальной группы. Реализовывалась модель двухступенчатой нисходящей социальной мобильности, при которой человек, оказавшись в маргинальном положении (безработный, «бывший»), приступая к занятию легальным видом деятельности – торговлей, опускался еще на одну ступень в социальной иерархии и лишался избирательных прав. Торговые практики в условиях нэпа являлись широко распространенным способом адаптации, позволяли выжить, а некоторым – существенно продвинуться в той иерархической системе, которая была построена на оценке уровня дохода. Такого рода противоречие (экономическое благополучие и политическая дискриминация) отчетливо прослеживается на всем протяжении нэпа и отражено в личных делах граждан, лишенных избирательных прав за занятие торговлей.

Большинство «новых богатых» (очевидна аналогия с современным термином «новый русский», обращаясь нас к французскому «нуворишу») были выходцами из представителей непривилегированных сословий и необеспеченных социальных групп. Разумеется, те из них, кто в прошлом имел профессиональный опыт (например, приказчики), могли добиться больших успехов и в годы нэпа. Среди торговцев была заметна доля чистых пролетариев, которые были вынуждены оперировать на рынке не только как покупатели, но и как продавцы, сглаживая тем самым недостатки централизованной распределительной системы.

Особое место в социальном конструировании раннесоветского общества занимала процедура лишения и восстановления в избирательных правах. Лишая своих граждан избирательных прав во внесудебном и массовом порядке, власть давала населению сигнал о том, какая модель поведения являлась одобряемой, а какая порицалась. Стремление дистанцироваться от собственного прошлого, декларировать новую личную идентичность можно считать реальным продуктом социального конструирования. В этом случае заявитель описывал себя в категориях, предписанных господствующими идеологическими установками и нормативными актами.

¹⁹ Гернет М.Н. Преступность и самоубийства во время войны и после нее. 2-й вып. «Моральной статистики». М., 1927. С. 226.

Говорить о подлинной самостоятельности личности можно только при наличии собственной экономической базы, автономного источника материальных благ, например, в рамках натурального, семейного, мелкотоварного или частнопредпринимательского укладов либо различных порожденных ими гибридных форм. Ликвидация многоукладности привела к изменению социальной структуры общества. Автономность личности в условиях Советской России оказывалась как минимум проблематичной.

Проблема существования замкнутого круга частного сектора хозяйства, активно обсуждавшаяся в конце 1920-х гг., продемонстрировала стремление властей ликвидировать частный сектор, в котором видели угрозу советскому строю, напрямую связывая его с контрреволюцией.

В раннесоветском обществе доминировали патрон-клиентские отношения, культивировался патернализм со стороны государства, насаждался повсеместный тотальный контроль над гражданами, в том числе и через систему централизованного распределения материальных и культурных благ. Эти обстоятельства создавали условия, при которых частные предприниматели вытеснялись из легальных хозяйственных связей, исчезали как социальная группа либо пополняли ряды представителей теневого сектора экономики.

Литература

Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма, 1993. 123 с.

Гернет М.Н. Преступность и самоубийства во время войны и после нее: 2-й вып. «Моральной статистики». М.: ЦСУ СССР, 1927. 270 с.

Килин А.П. Актеры и «актеры» модернизации в уральской провинции в годы нэпа // Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв.: сб. науч. ст. Екатеринбург, 2015. С. 156–163.

Килин А.П. Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа: экономические, политические и социальные аспекты. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 606 с.

Килин А.П. Сельская учительница Серафима Килина: реконструкция биографии «лишешки» 1930-х гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2021. № 3. С. 83–98.

Маргиналы в советском социуме. 1930-е – середина 1950-х годов / отв. ред. С.А. Красильников, А.А. Шадт. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2017. 550 с.

Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы) / С.А. Красильников, Л.И. Пыстина, М.С. Саламатова и др.; отв. ред. д-р ист. наук С.А. Красильников. 2-е изд. М., 2017. 598 с.

Мерль Ш. Советская экономика: современные оценки // Экономическая история: ежегодник. 2017. Т. 2016–17. С. 303–349.

Многоукладность России: исторические корни, состояние и перспективы: сборник / отв. ред. Т.Е. Кузнецова. М.: Ин-т экономики, 2009. 286 с.

Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции, 1917–1936 гг. М.: Мир истории, 2003. 296 с.

Смирнова Т.М. «Бывшие люди» в социальной структуре и повседневной жизни советского общества: 1917–1936 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010. 300 с.

Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М.: РОССПЭН; Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2011. 375 с.

Alexopoulos G. Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936. Ithaca; N.Y.: Cornell University Press, 2003. 243 p.

References

Alexopoulos, G. (2003). *Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936*. Ithaca, N.Y., Cornell University Press. 243 p.

Brodel, F. (1993). *Dinamika kapitalizma* [Dynamics of Capitalism]. Smolensk, Poligramma. 123 p.

Fitspatrik, Sh. (2011). *Sryvayte maski! Identichnost' i samozvanstvo v Rossii XX veka* [Tear off Your Masks! Identity and Imposture in Russia of the 20th Century]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), Fond Prezidentskiy tsentr B.N. Eltsina. 375 p.

Gernet, M.N. (1927). *Prestupnost' i samoubiystva vo vremya voyny i posle nee: 2-y vyp. "Moral'noy statistiki"* [Crime and Suicide during and after the War]. Moscow, TsSU SSSR. 270 p.

Kilin, A.P. (2015). *Aktory i "aktery" modernizatsii v ural'skoy provintsii v gody nepa* [Actors and "Players" of Modernization in the Ural Province in the Years of the NEP]. In *Chelovek v usloviyakh modernizatsii XVIII–XX vekov: sb. nauch. st.* Yekaterinburg, pp.156–163.

Kilin, A.P. (2018). *Chastnaya trgovlya i kredit na Urale v gody nepa: ekonomicheskie, politicheskie i sotsialnye aspekty: monografiya* [Private Trade and Credit in the Urals in the Years of the NEP: Economic, Political and Social Aspects: Monograph]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta. 606 p.

Kilin, A.P. (2021). *Sel'skaya uchitel'nitsa Serafima Kilina: rekonstruktsiya biografii "lishenki" 1930-kh gg.* [Rural Teacher Serafima Kilina: Reconstruction of the Biography of "the Deprived Woman" of the 1930s]. In *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3, pp. 83–98.

Krasilnikov, S.A., Pystina, L.I., Salamatova, M.S. (Comp.). (2017). *Marginaly v sotsiume. Marginaly kak sotsium. Sibir' (1920–1930-e gody)* [Outcasts in Society. Outcasts as a Society. Siberia (1920s–1930s)]. 2-e izd. Moscow. 598 p.

Krasilnikov, S.A., Shadt, A.A. (Eds.). (2017). *Marginaly v sovetskom sotsiume. 1930-e – seredina 1950-kh godov* [Outcasts in the Soviet Society. 1930s – mid-1950s]. 2-e izd. Moscow, ROSSPEN. 550 p.

Kuznetsova, T.E. (Ed.). (2009). *Mnogoukladnost' Rossii: istoricheskie korni, sostoyanie i perspektivy: sbornik* [Mixed Economic System ("Mnogoukladnost'") of Russia: Historical Roots, State and Prospects]. Moscow, Publ. Institut ekonomiki RAN. 286 p.

Merl', Sh. (2017). *Sovetskaya ekonomika: sovremennye otsenki* [Soviet Economy: Modern Assessments]. In *Ekonomicheskaya istoriya: ezhegodnik*. T. 2016–17, pp. 303–349.

Smirnova, T.M. (2003). *"Byvshie lyudi" Sovetskoy Rossii: Strategii vyzhivaniya i puti integratsii, 1917–1936 gg.* ["Former People" of Soviet Russia: Survival Strategies and Ways of Integration, 1917–1936]. Moscow, Mir istorii. 296 p.

Smirnova, T.M. (2010). *"Byvshie lyudi" v sotsial'noy strukture i povsednevnoy zhizni sovetskogo obshchestva: 1917–1936 gg.* ["Former People" in the Social Structure and Everyday Life of the Soviet Society: 1917–1936], D-ra Hist. Sci. Diss. Abstract. Moscow. 300 p.